

Турмуд Хейер
НОРВЕГИЯ
МЕЖДУ США
И РОССИЕЙ

Предисловие к российскому изданию

Книга «Норвегия между США и Россией», вышедшая в 2019 году, в Норвегии вызвала резонанс. Её автор Турмуд Хейер — подполковник, профессор Академии вооружённых сил Норвегии — задался вопросами, которые, вероятно, возникают у многих его сограждан, но не становятся предметом широкой дискуссии ни в военных, ни в политических, ни в общественных кругах.

У Турмуда Хейера есть все компетенции для авторитетного обсуждения вопросов безопасности и военной политики Норвегии. Он работал в военной разведке, прошёл Афганистан, защитил докторскую диссертацию по политическим наукам в 2006 году. Автор — преданный защитник интересов Норвегии. При этом он человек мыслящий и приверженный свободе совести и слова, важнейшим ценностям демократического мира. Его книга — честный анализ официальной норвежской политики верного своей стране офицера.

История российско-норвежских отношений состоит из реалий «холодной войны». Норвегия — один из членов-основателей НАТО с 1949 года и преданный союзник Соединённых Штатов Америки. Однако с заявленным главным противником альянса Норвегия имеет 180-километровую границу, и в 1944–1945 годы именно Красная армия освободила северную провинцию Финнмарк. На протяжении всего периода «холодной войны» власти Норвегии поддерживали деликатный баланс: с одной стороны, верное союзничество с США в рамках НАТО, с другой — добрососедские отношения с Советским Союзом. Важнейшей частью официальной политики был запрет на размещение иностранных военных баз и ядерного оружия на норвежской территории.

Так называемая «базовая политика» Норвегии, которую последовательно вели социал-демократические правительства страны, способствовала относительной стабильности в северных районах во время «холодной войны». Хотя инциденты случались регулярно. Самолёты-разведчики U2 на службе ЦРУ использовали военную авиабазу Будё в Северной Норвегии — именно она была конечным пунктом разведывательного полёта американца Фрэнсиса Пауэрса, чей самолёт был сбит советской ракетой в 1961 году. Военные корабли США регулярно заходили в норвежские порты (вероятно, с ядерными вооружениями на борту). Для разжигания антисоветских настроений в Скандинавии американские ведомства в 1970–1980-е годы организовывали провокации, в результате которых советские подводные лодки обвинялись в нарушении норвежских и шведских территориальных вод.

Внешняя политика Осло по отношению к Советскому Союзу начала заметно меняться в середине 1980-х годов. После разрушения СССР в 1991 году баланс в военной политике Норвегии продолжил крен: страна постепенно отказывалась от баланса между позицией лояльного союзника США и доброго соседа России в пользу активного союзничества с Вашингтоном напрямую и в рамках НАТО.

Этот крен стал особенно очевиден в последние 10–15 лет, начиная с так называемого зелёно-красного кабинета Йенса Столтенберга (в настоящее время генерального секретаря НАТО) в 2005 году и до сегодняшнего консервативного правительства Эрны Сульберг. Автор задаётся вопросом, что осталось от традиционной «базовой политики».

Если смотреть из Москвы, не осталось ничего. Ориентация Норвегии на США и НАТО на протяжении последних 30 лет дала ожидаемый результат: почти полную интеграцию норвежского государства в агрессивную военную стратегию США в Северной Европе и Арктике. Отвечает ли эта ориентация интересам США, Норвегии и её соседей?

Турмуд Хейер оценивает сегодняшнее положение Норвегии как более опасное, чем во времена «холодной войны». Более опасной Норвегия стала для соседней России, для собственных жителей и даже, как это ни парадоксально, для США. По мнению Хейера, Норвегия оказалась в положении, когда её зависимость от американских военных приоритетов не даёт ей больше безопасности по отношению к России.

Автор приводит конкретные примеры. В Северной Норвегии вблизи российской границы, несмотря на официальные заявления, в «режиме ротации» постоянно дислоцируются морские пехотинцы США. В 30 км от Мурманска появилась радиолокационная разведывательная станция, оснащённая новейшим оборудованием и финансируемая США. Силы специальных операций Норвегии активно участвуют в операциях НАТО в Афганистане, Ливии, Сирии, Мали — очень далеко от интересов национальной обороны на севере Европы и совсем далеко от исходного смысла альянса, который, напомним, называется Североатлантическим.

В последние годы Арктика приобретает всё большее значение и привлекает внимание стран не только арктических. Гонка за ресурсами в этом регионе будет с годами лишь нарастать. Одновременно США и главные страны НАТО рассматривают Арктический регион в качестве своего оперативного театра военных действий, что неминуемо приведёт к повышению напряжённости в нём.

Заслуга Турмуда Хейера перед норвежским обществом велика. Впервые за последние десятилетия он выносит на обсуждение центральный вопрос политики безопасности: как расширенное военное партнёрство с США можно совместить с добрососедскими отношениями с Россией?

В России выход перевода этой книги — крупное событие для экспертов по вопросам политики и безопасности в Северной Европе и в Арктике. Книга позволит узнать о внутренних мнениях, об эволюции отношений Норвегии и США, о логике принятия решений внутри НАТО и о других важных процессах.

*Вероника Крашенинникова,
генеральный директор
Института внешнеполитических
исследований и инициатив*

Введение

В проводимой правительством Норвегии политике в области обороны и безопасности много странностей. Их также много и в оборонной стратегии в том виде, в котором её осуществляет норвежское Командование вооружённых сил. Но самое странное заключается в том, что у норвежского руководства полностью отсутствует критическое отношение к своей деятельности. Несмотря на то что США, Норвегия и другие члены НАТО терпят неудачи в большем количестве военных кампаний, чем одерживают победы — в Афганистане, Ираке, Ливии и Сирии, — это всегда сопровождается гробовым молчанием общества. Почему так происходит? Это только мне непонятно, или многие тоже задаются этим вопросом? Или же ситуация везде — в Кабуле, Анбаре, Триполи или в Баренцевом море — действительно настолько великолепна, что нет причин для озабоченности или вопросов? Неужели мы, как государство, как нация, как гражданское общество, не можем извлечь никакого урока из имеющейся у нас запутанной политической ситуации? Неужели нет ничего, что мы могли бы почерпнуть из света знаний прошлого опыта? С единственной целью: в следующий раз сделать более разумный выбор.

Конечно, это — риторический вопрос. Я решил написать эту книгу как своего рода обобщение десяти лет исследований вопроса об использовании вооружённых сил Норвегией и союзников в своей стране и за рубежом. Но здесь важно подчеркнуть один аспект: на эти вопросы нет заведомо верного ответа. Практически невозможно сказать, что правильно, а что нет. Таким образом, мой анализ, возможно, будет не лучше тех, что уже были сделаны норвежскими

Министерствами обороны и иностранных дел, Разведывательной службой, Генеральным штабом или канцелярией премьер-министра. Но не это главное. Цель настоящей книги — показать, что существует значительно больше способов понимания того, что происходит вокруг нас. Несмотря на то что мы, вероятно, во многом не согласны друг с другом, мы должны, по крайней мере, согласиться с одним: чем больше у нас знаний по этим вопросам, тем проще нам будет понять последствия наших действий в этой области. Так как использование военной силы всегда приводит к непредвиденным последствиям, разумный выбор решений всегда будет необходим при наличии различных точек зрения и противоречивых интересов. Ведь разумные решения не принимаются исходя только из того, что является политкорректным. И не только исходя из того, что будет правильно сказано на совещании высокого начальства. Умные решения принимаются исходя из норвежских интересов, из баланса между США на западе и Россией на востоке. Поэтому, принимая решения, очень полезно помнить слова главнокомандующего американскими войсками во Вьетнаме в 1964—1968 годах четырехзвездного генерала Уильяма Уэстморленда: «Люди, занимающие руководящие посты, любят хорошие новости. Политики или лидеры стран склонны стрелять в гонца, приносящего плохие новости». Поэтому во время работы над своим проектом я с большим удовольствием напевал немецкую народную песню «Нет мыслям преград»¹. Эти слова вспоминались мне особенно часто во время прогулок с моим стареньким английским сеттером в Лилломарке, недалеко от жилого района Кьельсос в Осло:

*Нет мыслям преград,
Они словно птицы
Над миром летят,
Минуя границы.
Ловец не поймает,
Мудрец не узнает,
Будь он хоть Сократ:
Нет мыслям преград!*

¹ Перевод текста песни на норвежский язык Альфа Краннера; ниже помещён вольный русский перевод Даниэля Когана. — *Примеч. перев.*

*Я мыслю о том,
Что мне интересно,
О том, что кругом
И мне неизвестно.
Невидное глазом
Постигнет мой разум,
Не зря говорят:
Нет мыслям преград!*

*Меня не запрут
Подвальные своды,
Напраснейший труд —
Мне вдоволь свободы.
Ведь мысли — что бомбы,
Засовы и пломбы
Срывают подряд:
Нет мыслям преград!*

Так почему бы не последовать примеру Альфа Краннера в оригинальном аналитическом приёме? Почему бы не попробовать посмотреть на нас самих извне? Возможно, это именно мы сами в Норвегии представляем опасность, а не президент Путин и Россия? Или мы опаснее для США, нашего главного союзника? Или и того хуже — может быть, мы на самом деле представляем бóльшую опасность для самих себя? Это — еретические мысли. Но в то же время в каждом вопросе есть много аспектов. По крайней мере, их больше, чем тех, которые преподносятся обществу политиками и постоянно растущим числом специалистов по связи с общественностью в системе государственной администрации. Таким образом, почему бы не поставить под вопрос сам способ, которым мы, как «посредники, меценаты и моралисты», как «мирная нация» или как «хороший союзник», распоряжаемся от имени общества, которое купается в «молоке и мёде», самыми радикальными, насильственными и спорными имеющимися в распоряжении государства средствами принуждения. Это самое общество в глубине души задаётся вопросом, стоит ли бесконечно поддерживать союзников, которые сами должны нести ответственность за провоцирование многих войн, в которые нас вовлекают и которые оказали огромное влияние на 2000-е годы. И всё это только для того, чтобы избежать нашего

главного кошмара: закрыть вопрос с кризисом с Россией, который абсолютно точно будет очень серьёзным для Норвегии и, возможно (не дай бог), совершенно незначительным для США.

Главный страх — оказаться в западне один на один с Россией — облегчает постановку интересных проблем. Это прежде всего касается тех тем, о которых правительство на протяжении десятилетий мало что говорило. Примером тому является балансирование между гласностью и секретностью. Другим примером может быть использование специальных сил Разведывательной службы и Министерства обороны. Ещё одним примером может служить постоянный перерасход норвежских сил в операциях за рубежом. И это, без сомнения, происходило за счёт национальной самоуверенности, которая была крайне необходима норвежским властям при выстраивании отношений с Россией, но которой у них больше не осталось. Тем самым становится нелегко одновременно жонглировать двумя шарами: «быть хорошим союзником» США и одновременно — «хорошим соседом» России. К сожалению, выбор заключается в «или — или» вместо «и — и». Таким образом, безопасность, особенно для малой страны, которая всегда стремилась к исключительно коллективным решениям в вопросах сотрудничества, становится исключительным благом только для себя вместо блага всеобщего. Но со временем никто не потеряет на этом больше, чем само малое государство.

Изложенные в этой книге мысли принадлежат мне, но эта книга — не моноспектакль одного человека. Хочу выразить свою благодарность следующим организациям: Военной академии Министерства обороны за стажировку в Пембрук-колледже Оксфордского университета. В таком окружении можно действительно сказать «нет мыслям преград». Также благодарю Институт военного управления и операций (IMLO) при Военной академии Министерства обороны за то, что освободили меня от чрезмерно большой работы: встреч, административной работы, проверок и написания рапортов. И спасибо фонду *Fritt Ord*¹ за помощь в издании; здесь я нашел вдохновение в балансе между гласностью и секретностью и поэтому написал об этом гораздо больше, чем планировал. И также выражаю особую благодарность добрым коллегам из Военного исследовательского

¹ *Fritt Ord* (норв. «Свободное слово») — норвежский частный фонд, оказывающий поддержку мероприятиям, направленным на защиту свободы слова и свободы прессы. — *Примеч. ред.*

института, Военной академии и Института военного управления и операций. Ценный вклад был сделан Ворин Альме, Ойвиндом Бергстрёмом, Туром Петтером Экроллом, Андерсом Шёльбергом, Асбьёрном Люсгордом, Филипом Матлари и Стейнаром Торсетом. В завершение я хочу сказать большое спасибо издательству и его сотрудникам Дороте Клинкаш и Лауре Вальковиак. И не меньшее спасибо Хильде Крисстоферсен — моему замечательному редактору, с которой мы работаем в течение многих лет.

Турмуд Хейер

Осло 23 мая 2019

Глава 1

ХОРОШИЙ СОЮЗНИК

В этой книге рассматривается бесконечная дилемма, по которой нет ясности. Над этой проблемой люди ломали головы во все времена, особенно в малых странах, имеющих общую границу с большими государствами, которым они не доверяют. Дилемма заключается в следующем: насколько далеко может зайти малое государство в союзнических обязательствах перед другими странами, прежде чем это спровоцирует, обеспокоит или возмутит соседа так, что последует ответная реакция? И не потому, что соседнее государство посчитает это угрозой для себя со стороны малой страны, а в силу того, что малая страна станет плацдармом для военной активности более крупного и сильного государства и тем самым создаст вызов безопасности соседней стране. Таким образом, возникает классическая дилемма безопасности, накладывающая отпечаток на вооружение и сокращающая стратегическое время обнаружения угрозы по обеим сторонам границы. Парадокс заключается в том, что все стороны в итоге получают не укрепление безопасности, а ее ослабление, — просто-напросто потому, что все соседи окажутся под угрозой милитаризации (Herz 1950; Snyder 1984).

Большая насыщенность вооружениями автоматически обеспечивает большую безопасность. Признание этого факта стало особенно важно не только для Норвегии, но и для всех североевропейских стран в свете российской аннексии Крыма в 2014 году¹. Насколько

¹ Автор использует получивший широкое распространение в СМИ западных стран термин «аннексия» по отношению к воссоединению Крыма с Россией. — *Примеч. ред.*

далеко могут зайти Норвегия, Швеция и Финляндия в развитии военного сотрудничества с США на двусторонней основе или в сотрудничестве с НАТО прежде, чем Россия предпримет ответные шаги? Ведь Россия не боится малых северных государств, у которых едва ли остались внушительные вооружённые силы после сокращений 1990-х и 2000-х годов. Россия опасается, что малые государства на севере станут «трамплином» для направленных против неё американских операций. Это важная тема для каждого из нас. Ведь сейчас мы живём в регионе, который характеризуется сохраняющимся соперничеством великих держав: США на западе и Россией на востоке. Одним из важнейших средств воздействия в этом соперничестве являются вооружённые силы.

Название книги «Стала ли Норвегия более опасной?»¹ подразумевает знак вопроса. Причина в том, что сложно с уверенностью утверждать: Норвегия стала более опасной. Ставя знак вопроса, мы открываем путь к размышлению, вместо того чтобы просто констатировать, что именно так и есть! Но что подразумевается под словами «более опасная»? Увеличили ли опасность норвежские власти и военная стратегия, лежащая в основе обороны Северной Норвегии? Или Норвегия стала более опасным местом для жизни из-за того, что вооружённые силы США разместили в стране свои военные базы? Или же Норвегия стала более опасной, потому что Россия проводит подготовку к войне близ норвежской границы на севере, включая, ко всему прочему, отработку нападений на объекты обороны и запуски управляемых ракет всё ближе к границе территориальных вод в южных районах Норвежского моря? Или Норвегия стала более опасным местом, потому что в общество всё более широко внедряются цифровые системы, делая его более уязвимым? Что-либо подобное может стать золотым дном для тех, кто захочет повлиять на норвежские власти через внушение страха населению. Именно эти вопросы затронуты в книге. И ответ на эти вопросы скорее склоняется к «да». Норвегия, похоже, оказалась вовлечена в порочный круг взаимного наращивания вооружений и подъёма уровня боеготовности США на западе и России на востоке. В такие периоды, как в упомянутом в этой книге периоде с 2008 года, когда норвежские власти стали усиленно проводить стратегию сдерживания

¹ «Стала ли Норвегия более опасной?» — дословный перевод названия книги с норвежского языка.

вания в отношении России (Forsvarsdepartementet 2008) — каждая страна становится «ближе сама к себе». Тем самым межгосударственная безопасность больше не выглядит как общее неделимое благо. Она, скорее, начинает казаться исключительным благом, когда собственная безопасность достигается за счёт безопасности других. Такое понимание безопасности — относительное и основанное на конкуренции — ведёт к тому, что норвежские власти сами рискуют создать *более опасную Норвегию*.

Однако такие предположения спорны. Ведь Норвегия является всё-таки одной из самых мирных стран на Земле, а норвежские правительства из поколения в поколение усердно работали над лоскутным одеялом, сотканным из взаимовыгодных межгосударственных отношений, конвенций и трактатов. Все эти коллективные договорённости обязывающими и необязывающими способами связывают малые и большие государства в предсказуемых и прозрачных формах сотрудничества. В общих решениях между странами-соседями норвежский вклад даже сделал Северную Европу одним из самых стабильных и обеспеченных регионов, несущих в себе отпечаток «зрелой анархии», где присущая настороженность, всегда существующая между государствами, стала невероятно мала (Gordeeva 2006). В Норвегии общество также удовлетворено социальным контрактом, в рамках которого доверие между гражданином и государством сильнее, чем в большинстве других стран. Поэтому признание того, что *Норвегия* стала *более опасной*, кажется неуместным для властей, купающихся в лучах таких международных штампов, как «мирная нация», «гуманитарная держава» и «хороший союзник».

Вопрос, поднятый в этой книге, сводится к тому, насколько обоснован ярлык «хороший союзник». Понятие «быть хорошим союзником» равнозначно большей безопасности для государства и большей надёжности для населения? Или понятие «быть хорошим союзником» включает в себя также и недостатки, которые на самом деле приводят к противоположному результату? То есть к ослаблению, а не к укреплению безопасности, так как «быть хорошим союзником» США плохо сочетается со статусом «быть хорошим соседом» России. То, с чего мы начали эту книгу: искусство государственных деятелей состоит в том, чтобы обеспечить как можно большую безопасность путём сотрудничества США на западе и одновременно не провоцировать соседа на востоке. Это не означает, что Норвегия

должна выйти из НАТО или что мы должны свернуть сотрудничество в сфере обороны с США. Смысл рассуждений в том, чтобы обозначить противоречивые взгляды и пересекающиеся интересы, которые возникают, когда малое государство, из-за своей географической судьбы быть с соседом на востоке, оказывается зажато между двумя противниками. Следовательно, норвежская безопасность не сводится к «или — или». Но, в сущности, норвежская безопасность является «и — и».

Главный вопрос, поднятый в этой книге, заключается в следующем: многолетняя стратегия в норвежском мышлении по вопросам безопасности, сводившаяся к тому, чтобы быть и «хорошим союзником», и «хорошим соседом», похоже, обернулась провалом. Пространство для переговоров, которое делало это возможным во времена «холодной войны», исчезло. В вакууме, который постепенно возник с 2000-х годов, США взяли на себя в Норвегии многие оборонные задачи по отношению к России. А всё потому, что норвежские власти на рубеже веков поставили своей целью стать «лучшими в НАТО» в международных операциях. «Держать порох сухим» дома в том числе, поддерживая ещё оставшуюся национальную обороноспособность, стало неприоритетным. Примерно через 20 лет эта цель привела к перерасходу скудного ресурса обеспечения обороны, для восстановления которого потребуется много времени. Эта проблема долгое время не освещалась, поскольку вплоть до 2005—2006 годов казалось, что Россия движется по пути сближения с западным братом. Но как только маятник качнулся в другую сторону, Россия стала восприниматься опасной, и стало понятно, что, как и в конце 1990-х годов (NOU 2000), норвежская оборона оказалась перед лицом глубокого и продолжительного структурного кризиса. Норвежские власти, конечно, имеют в своём распоряжении вооружённые силы, участие которых в международных союзнических операциях Министерство обороны оценивает как «очень хорошо». Оценка состояния своих вооружённых сил в стратегически важнейших северных районах едва ли дотягивает до «удовлетворительно» (Forsvarsdepartementet 2018, 56). Поэтому США должны вмешиваться и заполнять пробелы в российско-норвежской приграничной зоне, с последующей милитаризацией прилегающих воздушных и морских пространств.

Зависимость Норвегии от своего могущественного гаранта безопасности на западе приводит к более широкой и извечной

традиции исследований (Walt 1987; Snyder 1984; Rickli 2008). Страх подвергнуться нападению ставит малые государства между тремя альтернативами: вступить в более формальное сотрудничество (альянсы) по вопросам обороны с другими странами, выстроить более сильную и самостоятельную национальную оборону самим. Или же, возможно, занять более уступчивую позицию по отношению к опаснейшему соседу (Walt 1987). С середины 2000-х, особенно после принуждения Грузии к миру во время грузино-южноосетинского конфликта 2008 года и аннексии Крыма в 2014 году, первая альтернатива — сотрудничество в рамках альянса — стала важнее, чем две другие. И для Норвегии, а также и для ранее нейтральных государств — Швеции и Финляндии — страх быть покинутыми Соединёнными Штатами усилился. Из-за этого страха малые государства становятся более склонными к исполнению ожиданий гаранта безопасности, даже в других частях света, где скопились военные проблемы у самой сильной державы мира. Поэтому для зависимых малых государств существует большая опасность попасть в ловушку американских военных операций в других частях земного шара, таких как Центральная Азия и Ближний Восток. И это не потому, что у малых государств есть какие-либо особенные национальные интересы в области безопасности в этих регионах, а скорее из-за того, что малые государства чувствуют сами, что они должны что-то сделать в ответ, чтобы не оказаться забытыми, незаметными или каким-либо другим образом отодвинутыми на периферию интересов главного союзника. Ведь если кризис возникнет в соседнем с ними регионе, ожидания малых стран взаимности или проявления солидарности со стороны союзников будет наивысшими (Keohane 1984). Тогда будет приятно осознавать, что инвестиции, сделанные в ходе операций за рубежом, будут рассматриваться как ценный собственный капитал, рассчитанный на то, чтобы как можно скорее получить помощь извне.

Ведь малые государства не способны обеспечить свою безопасность собственными силами. Они скорее зависят от доброго расположения других стран. Малые государства часто определяются как страны с относительно ограниченными возможностями в четырёх областях: в численности населения, размерах вооружённых сил, находящихся под национальным командованием, в размерах страны, а также в объёме годового валового национального продукта (ВНП)

(Kjølberg og Nyhamar 2011). Тут, конечно, можно возразить, что Норвегия не малая страна, поскольку её территория с прилегающим континентальным шельфом огромна — более 2 млн км² (Norges kartverk 2018). К тому же норвежский ВВП усреднённо остаётся в числе 30 крупнейших в мире. Тем не менее Норвегия остаётся малым государством, если мы сравниваем её размеры с США на западе и Россией на востоке.

Выражение «хороший союзник» часто используется, чтобы описать союзническое сотрудничество малого государства Норвегия с США. В этой связи выражение было заимствовано из отчёта, созданного правительством Комитета Гудала¹, который в 2015–2016 годах оценивал гуманитарный и военный вклад Норвегии в Афганистане. Название отчёта «Хороший союзник — Норвегия в Афганистане 2001–2014» элегантно показывает суть норвежских целей, которые прежде всего состояли в следующем: Норвегия внесла свою лепту в «поддержку США и способствовала обеспечению значимости НАТО» (Godal et al. 2016, 9). Эта цитата затрагивает самую суть норвежской стратегии обороны — как она развивалась с начала века. Активно предоставляя вооружённые силы в коалиционных операциях под руководством США, внутри или за пределами зоны ответственности НАТО, норвежские власти надеются на следующее: «Международный вклад в рамках альянса — это инвестиции, которые обеспечат Норвегии союзническую поддержку, если она ей потребуется» (FD 2017, 38).

Такие инвестиции в зарубежные операции объясняются прежде всего тем, что Норвегия никогда не была в состоянии защитить себя самостоятельно. Страна для этого слишком большая, а населения слишком мало. Поэтому, с момента вступления в НАТО в 1949 году, союзническая поддержка со стороны США лежала в основе выживания норвежского государства в конфликте с Советским Союзом, а затем — с Россией. Было лишь несколько незначительных отклонений от мирной нормальной обстановки на севере — в так называемых эпизодах, событиях и небольших кризисах на самом низком уровне конфликтной шкалы — которые Норвегия смогла разрешать самостоятельно (FD 2004).

¹ *Бьёрн Туре Гудал* (род. 1945) — норвежский политик, депутат парламента (1989–2001), министр иностранных дел (1994–1997) и обороны (2000–2001), специальный советник МИД (2007–2010). — *Примеч. перев.*

Издержки статуса «хороший союзник»

Чтобы американская и, возможно, европейская помощь подошла вовремя, да ещё и была достаточной по силе и качеству, она должна быть подготовлена заранее, уже в мирное время (Eriksen og Tamnes 1999). Тем временем норвежские вооружённые силы также должны направляться в другие страны для укрепления союзнического единства и коллективной солидарности, которые нужны самой Норвегии для противостояния России на своей территории. Таким образом, Норвегия в течение последних нескольких лет (в 1990–2000-х годах) была занята тем, чтобы подстраиваться под (американские) интересы НАТО. Прежде всего это выражается в содействии и в разделении риска и тягот в операциях за границей. Стоять в стороне как нахлебник, когда США обращаются к своим ближайшим союзникам за поддержкой в «войне против террора», «войне против ИГИЛ» или в устрашении России в Прибалтике, глупо. Грубо говоря, эту норвежскую политику приверженности США можно описать девизом Хемверна¹: «везде — всегда».

Норвежское участие в операциях в частности в Афганистане, Ираке и Сирии, а также в Иордании, Ливии, Мали и ещё в Грузии, Латвии, Индонезии, Средиземноморье и Индийском океане можно частично воспринимать, как желание способствовать установлению более либерального мирового порядка. Потому что в основе политики США, НАТО и всего европейского сообщества лежит стремление создавать демократические сообщества, построенные на основополагающих принципах правового государства и обеспечивающие гарантии соблюдения прав человека. Согласно заявлениям норвежских властей, есть

...одна вещь, которую мы не должны забывать: Запад — это общество, основанное на ценностях. Если убрать нашу веру в общие универсальные ценности и идеалы, пропадёт и ядро западного сообщества. Эти ценности находятся под угрозой. Они сейчас важны, как никогда раньше, и поэтому мы стоим в едином строю за их защиту (Bakke-Jensen 2019).

¹ *Хемверн* (норв. Heimvernet) — войска территориальной обороны Норвегии. — *Примеч. перев.*

Поэтому норвежские власти экспортируют военную силу, чтобы поддержать подобные идеалы, которые они ассоциируют со своими собственными, что позволяет обеспечивать защиту подавляемых групп населения от ущемления их прав со стороны их правительств. Но в равной степени военный вклад может также быть воспринят как реальное политическое желание оставаться вместе с США — своей главной опорой, согласно норвежскому военному мышлению. Со страной, которая несёт около 40 % мировых военных расходов, которая обладает самыми большими военно-воздушными силами, самым большим военно-морским флотом, а также 1,3 млн солдат, находящихся в состоянии постоянной боеготовности. Ведь нет никакой другой страны, которая могла бы обеспечить Норвегию надёжными гарантиями безопасности в противостоянии с Россией. Но, может, именно в этом и кроется проблема? Ведь «быть хорошим союзником» государств с глобальными интересами безопасности влечёт за собой определённые издержки для нас самих.

Издержки частично являются экономическими. Ведь для того, чтобы быть «хорошим союзником», с каждым годом требуется больше денег, чем готовы выделить на эти цели норвежские власти. Ведь только для реализации перспективных планов правительства Сульберг¹ потребуется более 100 млрд норвежских крон дополнительных расходов в период с 2021 по 2037 год (Skjelland et al. 2019). Для того чтобы норвежские вооружённые силы могли бы защищать свою страну от возможного давления России и одновременно шли бы навстречу американским ожиданиям, касательно непрерывного участия в зарубежных операциях, ресурсов, естественно, не хватит. Другими словами — это сохраняющееся несоответствие между размерами норвежских вооружённых сил, объёмом выделяемых средств и задачами, которые, по мнению норвежского правительства, должны решаться вооружёнными силами (Holme 2013). Эта проблема не стояла настолько остро во времена «холодной войны». Пока советские военно-морские атомные силы, базирующиеся на Кольском полуострове (с середины 1970-х годов), могли угрожать США, Норвегия, находящаяся вблизи этих баз, была слишком важна, чтобы выводить ее войска из страны. Норвегия была не просто флангом в обороне

¹ Эрна Сульберг (род. 1961) — лидер Консервативной партии Норвегии (с 2004 года) и премьер-министр Норвегии (с 16 октября 2013 года). — *Примеч. перев.*

Западной Европы, она также была стратегическим фронтом в обороне самого гаранта безопасности (Tamnes 1991). Хотя норвежские власти и направили более 22 000 солдат в состав миротворческих сил в Ливане между 1978 и 1998 годами, это было скорее воспринято как «дополнительная работа» по линии ООН (Leerand 2012). Усилия, направленные на сохранение мира, никогда не происходили за счёт боеготовности национальной армии. В северных районах Норвегия всегда была первой линией обороны НАТО. При поддержке США Норвегия стала важным звеном в системе радиоразведки и предупреждения об угрозах, серьезной составной частью передовой обороны США по сдерживанию советских вооружённых сил. Поэтому «быть хорошим союзником» было равнозначно защите НАТО на севере. Важно было обеспечить так называемый период сдерживания (от 4 до 8 недель) в губерниях Финнмарк и Трумс в ожидании прибытия американских войск из северных районов Атлантического океана (Gjeseth 2008).

Существуют также политические издержки. И они могут рассматриваться в связи со всем политическим климатом в сфере безопасности, сложившимся в Европе после аннексии Крыма в 2014 году. «Быть хорошим союзником» также включает в себя сдерживание российского влияния в Восточной Европе и на Ближнем Востоке. Норвежская военная помощь, например, Грузии, которая находится в так называемой зоне российского влияния на Кавказе и которая является кандидатом в члены НАТО, конечно, привязывает страну сильнее к западным ценностям. Но норвежская поддержка также способствует укреплению военного присутствия США и НАТО на Кавказе. В регионе, который часто называют «мягким подбрюшьем России», это может, если смотреть на это с формальной точки зрения, способствовать укреплению безопасности грузинского народа, в частности потому, что вызовы безопасности страны становятся теснее связаны с западными институтами, которые совместно могут создать большую военную силу, чем та, которой Россия располагает в Южной Осетии, Абхазии и в Южном военном округе. Но поддержка одновременно приводит к военным контрмерам со стороны России, поскольку стратегическое время оповещения об угрозе со стороны американских войск сокращается. Эскалация шпионажа, подрывной деятельности, отслеживание военной активности и инфильтрация в политические и военные органы Грузии

всё больше превращают страну в арену соперничества великих держав. Таким образом, даже небольшие эпизоды и инциденты могут разрастись и выйти из-под контроля. Следовательно, в роли «хорошего союзника» становится более важно рассчитывать на закрытые организации, такие как НАТО, вместо публичных организаций, таких как Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

Ну и, наконец, есть также внутривластные издержки пребывания в статусе «хорошего союзника». Норвежским властям становится трудно быть откровенными с собственным населением, оппозиционными партиями в Стортинге¹ и СМИ в вопросах о том, что Норвегия попала в полную зависимость от вооружённых сил США практически в любой ситуации, которая отклоняется от привычной мирной политики на севере. Таким образом, широкие слои общественности, СМИ и политические партии в Стортинге не получали сведений по этому важному вопросу в течение многих лет. Знание таких вопросов могло бы дать гражданскому обществу лучшее представление о сложных оценках и дилеммах, оказавших влияние на формирование политики в области обороны и безопасности, в которую власти вовлекаются по мере того, как новая «холодная война» разворачивается в их собственном регионе. Продолжительное и систематическое умалчивание властями оценок, которые лежат в основе балансирования между США на западе и Россией на востоке, стало главным поводом написать эту книгу.

Перерасход и зависимость

Издержки, описанные выше, возникли на Рождество 1991 года. Тогда, за одну ночь, распался Советский Союз, а вместе с ним исчезла также возможность быть просто «хорошим союзником» на севере. В связи с Югославскими войнами 1990-х годов и глобальной «войной против террора», начавшейся в 2001 году, для норвежских властей приблизилось *pay-back time* — время платить по долгам. Одними из последних в НАТО, власти Норвегии в 1990-х годах стали

¹ Стортинг — парламент Норвегии. — *Примеч. перев.*

неохотно принимать активное участие в зарубежных операциях. Содействие подобным операциям можно было считать расчётом с американскими налогоплательщиками, которые долгие годы покрывали львиную долю расходов в трансатлантическую плановую работу по укреплению и усилению боеготовности в Европе. Посыл Советскому Союзу был конкретен и решителен: нападение на Норвегию будет равнозначно нападению на США. Риск не оплатить этот долг был бы слишком велик: США потеряли бы интерес к Норвегии и НАТО (Lugar 2002). Применение Америкой силы по всему миру стало бы сложнее привязывать к коллективным решениям и официальным институтам.

Но после терактов в США 11 сентября 2001 года опора Норвегии — НАТО — превратилась из регионального игрока в международного, для которого возможным местом действия стал весь мир. Сенсационные атаки «Аль-Каиды» на Нью-Йорк и Вашингтон ускорили уже начавшийся процесс сворачивания национальной, территориальной, статичной и мобилизационной обороны Норвегии. Таким образом, высвобождались «свежие средства» для новых инвестиций в создание более актуальных вооружённых сил, которые могли быть подняты по тревоге и в срочном порядке отправлены выполнять задание за рубежом. Согласно заявлению представителей норвежского Министерства обороны, возглавляемого в 2001—2005 годах Кристин Крон Девольд, норвежская оборона должна

...подтвердить, что Атлантический союз не превратился в несоответствующий своим задачам союз и, в этом отношении, наиболее важным стал вопрос, чем Европа может содействовать укреплению трансатлантического партнерства, какой оправданный вклад мы в состоянии предоставить (Devold 2002с).

Поэтому шеф обороны Норвегии в 1999—2005 годах Сигурд Фрисвольд получил чёткое указание, что воинские части, имеющие только территориальные задачи, должны быть свёрнуты (FD 2002). Эта логика соответствовала сложившейся обстановке, поскольку самые неотложные угрозы находились в Центральной Азии и на Ближнем Востоке. НАТО, прежде всего, не являлось раз и навсегда застывшим военным союзом, оно стало более широким, и, тем самым, более свободным альянсом безопасности.

Сейчас стало ясно, что смена чего-либо слишком радикально и слишком быстро имеет существенные недостатки. Но самое важное: изменения — и последствия, которые они повлекли за собой, — тоже в значительной степени замалчивались самими властями (Holme 2013; Bentzrød 2014). Это означает, что положение сегодня, спустя 20 лет после «стартового выстрела» самой радикальной военной реформы современности, стало более серьёзным, чем во времена «холодной войны». Главная причина в том, что продолжительный вклад в поддержку операций за рубежом увеличивает перерасход и так скудного ресурса, который, если это происходит слишком долго, не оправдан. Согласно бывшим высокопоставленным представителям Министерства обороны (Lysberg og Tallaksen 2018a), издержки перерасхода увеличивают зависимость от американских сил в собственных районах, в том числе и в мирное время. Серьёзную проблему представляет также то, что при возникновении даже незначительных конфликтов для разрешения кризисов и урегулирования ситуации возникает потребность в американском подкреплении. И эта потребность будет возникать на гораздо более ранней стадии, чем во времена холодной войны. Это происходит из-за того, что норвежские власти больше не имеют той обороны, которая могла бы эффективно оперировать в течение 3–4 суток (Heier 2018a).

Причины этого мы обсудим в 3-й главе, а последствия будут рассмотрены в последующих главах. Но важно отметить, что американские ожидания большего разделения риска и тягот за границей усиливают зависимость от США в собственной стране. И чем ближе Россия находится к европейским странам НАТО, тем более они становятся склонными к участию в коалиционных операциях под командованием США (Kjølberg og Bull 1997). В то же время содержание вооружённых сил постоянно дорожают, в том числе и потому что цена на вооружение растёт на 3–5 % процентов быстрее, чем цены в целом. Когда более 20 % оборонного бюджета уходит на чисто материальные инвестиции, без компенсации сократившейся покупательной способности, вооружённые силы численно становятся всё меньше и меньше (Diesen 2011; Ofstad og Øhrn 2015). Тем самым остаётся совсем немного, чтобы двусторонние кризисы между Норвегией и Россией начали нарастать, поскольку норвежские власти должны в таких случаях как можно скорее привлечь США к урегулированию ситуации.

С норвежской точки зрения, у страны тем не менее нет другого выбора, кроме как оставаться «хорошим союзником». Потому что без США не будет никакого НАТО, а без НАТО — никаких американских гарантий безопасности. Если НАТО прекратит существование, не будет других рамок, которые могли бы сохранить сильное американское лидерство в Европе — на континенте, который в последние годы трещит по швам и характеризуется наличием националистических и право-популистских течений, и который ранее в истории — два раза в XX веке — вовлёл США в разрушительные мировые войны. Быть «хорошим союзником» означает «помощь самому себе»: помогая другим там, где они в этом нуждаются, ты одновременно помогаешь себе. Но, как мы увидим в дальнейшем, цена этого велика, и она систематически замалчивалась норвежскими властями.

Это не зависит от того, какая политическая партия или правительственная коалиция находятся у власти. Факт в том, что норвежская оборона, согласно мнению Министерства обороны, потеряла способность сдерживать Россию путём «создания предупредительных мер, основывающихся на членстве в НАТО» (Forsvarsdepartementet, 2018, 55). Это отклонение даже привело к парадоксальному выводу, который даёт основание порассуждать о том, как жители одной из богатейших стран мира, одного из богатейших мировых регионов, стали тем не менее частью *более опасной Норвегии*. Когда политическая мантра сводится к утверждению «Норвегия — НАТО на севере» (Regjeringen 2018), это также означает, что Норвегия, с российской точки зрения, стала бóльшим риском для безопасности в её собственных приграничных областях. Не в меньшей степени это касается того, что норвежские радио-разведывательные установки, спутники, фрегаты и строительство радаров всё больше увязываются с американскими военными концепциями и планами по созданию ракетного щита. Это особенно касается военной концепции Быстрого глобального удара (*Prompt Global Strike*), которая за 30–60 минут позволяет стереть с лица земли любую российскую цель в любой точке земного шара (Greg 2010; Eckstein 2017; Woolf 2019).

Таким образом, российские оценки угрозы распространяются на норвежские воздушные, морские пространства и сухопутные военные территории. Это объясняется тем, что российский анализ риска

и уязвимости, проведенный в Североморске, Санкт-Петербурге и Москве, не особо отличается от оценок западных коллег в Будё¹, Осло или Вашингтоне. С российской точки зрения, *более опасная Норвегия* также означает, что создавшееся положение становится опасным *для самой Норвегии*. Так происходит потому, что для военных и оборонительных структур — норвежских, российских или американских — неестественно сидеть сложа руки и быть пассивным свидетелем усиления мер по повышению боеготовности противника.

Из-за этого растут напряжение и страх норвежцев оказаться лицом к лицу с Россией в одиночку, без того чтобы США пришли на помощь. Норвежские власти пытаются избежать этой неуверенности, частично делая норвежские воздушные, морские пространства и сухопутные военные территории более доступными для американского военного контингента, так, чтобы США в крайнем случае начала войны смогли быстрее и эффективнее одолеть российские ядерные силы на Кольском полуострове. А также, частично показывая США, что норвежское правительство готово рисковать жизнью и здоровьем собственных солдат в коалиционных операциях, которые будут содействовать американским интересам, в частности в Центральной Азии и на Ближнем Востоке. Может быть, именно поэтому мы редко задаёмся вопросом, что такое быть «хорошим союзником»? Это просто-напросто порождает сомнения в национальном самосознании, которое норвежские власти создали по своему образцу: бескорыстная и щедрая страна, которая, из солидарности к близким друзьям и союзникам, обязана помогать им, когда это необходимо (Alme 2019).

Мы обсудим это подробнее в 7-й главе, где речь пойдёт о балансировании власти между гласностью и секретностью. Для начала можно только заключить, что если бы Норвегия находилась на месте Дании, Нидерландов или Бельгии, ей было бы легче следовать этому чувству долга. Американское понятие «хороший союзник» могло бы позволить расформировать воинские части, которые имели исключительно национальные и территориальные оборонительные задачи. Таким образом, «освободившиеся деньги» можно было бы потратить

¹ В Будё (Северная Норвегия) расположены военно-воздушная база, норвежский зенитно-ракетный комплекс NASAMS, национальная группа быстрого реагирования; в Реитане, к востоку от Будё находится штаб-квартира норвежских вооружённых сил Северной Норвегии. — *Примеч. ред.*

на создание новых и дорогих, но меньших по численности вооружённых сил. Под этим подразумеваются воинские части, которых, естественно, будет недостаточно для защиты национальных взглядов и интересов на севере в ходе выполнения круглосуточных оборонительных и боевых заданий в Баренцевом море или в Финнмарке. Но которые в срочном порядке могли бы позаботиться о демонстрации норвежского флага и присутствия там, где США ожидает от союзника проявления активности — год за годом в далеких краях. Тем самым власти могли бы свободнее и более эффективно укреплять коллективную сплочённость в Альянсе, который не просто будет сдерживать Россию, но который также поможет США видеть смысл в использовании своих средств на нужды НАТО в Европе. Ведь есть лишь одна страна, которая может предложить Европе надёжную защиту при столкновении с Россией, с приблизительно 240 000 солдатами в более 170 странах (New York Times 2017), занимающих более 800 баз по всему миру (Vine 2015), — Соединённые Штаты Америки.

Тяготы географического положения

Норвегия — не Дания, Нидерланды или Бельгия. Проблема Норвегии в том, что страна находится слишком близко — от 40 до 120 км — от одной из самых современных в мире группировки ядерных сил на Кольском полуострове. Эти силы, с соответствующими системами связи, радарными установками, частями непосредственного охранения, портами, авиабазами и складами с атомными боеголовками, сегодня являются важнейшим внешнеполитическим инструментом, которым располагает Россия для достижения равновесия с США. Подобное объясняется прежде всего не количеством атомных боеголовок *per se*¹, а скорее способностью ракет достичь территории США, не будучи обнаруженными и с высокой точностью. Другими словами, интерес представляют именно русские подводные лодки, русские ракеты и технологии, которые нужны для транспортировки ядерных боеголовок в США. Таким образом, этот тип информации и способ её сбора и обработки в целях создания обо-

¹ Самих по себе (лат.). — Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.

ронительного щита представляет интерес как для США и Норвегии, так и для России. Всё это способствует нарастанию политической и военной напряжённости во всём северном регионе.

Подозрительность возрастает ещё больше из-за того, что порты на Кольском полуострове являются единственными, через которые российские подводные лодки получают свободный доступ в открытый океан, где они могут спрятаться в глубинах северной части Атлантического океана или под Северным полюсом. Таким образом, США не могут ни обнаружить, ни заблокировать их своими передовыми военно-морскими кораблями, которые, в частности, оперируют из Норвегии. Вдобавок коридор для выхода Северного флота, одной из самых мощных группировок воздушных и военно-морских сил страны, проходит по линии между Сёркапом на Шпицбергене и Нордкапом в Финнмарке. Это единственный порт с прямым выходом в Атлантический океан и к восточному побережью США. В то же время это кратчайшая траектория полёта российских ракет, ориентированных на цели в США.

По большому счёту, роль российских ядерных сил на Кольском полуострове не является проблемой, если отношения между США и Россией хорошие, как это было в 1990-е годы и — даже в некоторых других обстоятельствах — во времена «оттепели» между Никитой Хрущёвым и Джоном Кеннеди в 1960-е годы. В такие периоды расширяются рамки политической свободы манёвра властей, поскольку в таком случае Норвегия может быть и «хорошим соседом» России, и «хорошим союзником» США. Хуже становится тогда, когда отношения двух великих держав замораживаются. Тогда национальные соображения безопасности и, в не меньшей степени, наличие российских ядерных сил в северных районах, сразу приобретают гораздо большее значение — как по норвежской, так и по американской и российской оценкам. Короче говоря, «ценность норвежской территории» видоизменяется в зависимости от колебаний международной ситуации. Решающим в этом вопросе является то, что российские ядерные силы в норвежско-российских пограничных областях составляют одну из опаснейших угроз для существования для населения США по другую сторону Атлантического океана. Таким образом, роль Норвегии как разведывательного, подслушивающего и предупреждающего об угрозах поста для США становится невероятно важна, не в меньшей степени, когда возникает

обострение. Ведь каждый раз, когда великие державы возобновляют диалог и сотрудничество, это значение резко снижается. Это и есть та географическая особенность расположения вблизи важнейших российских военных баз, отличающая Норвегию от Нидерландов, Бельгии и Дании (если не считать Гренландию, которая также является важным подслушивающим и предупреждающим постом США).

Норвегия оказывается участником игры двух великих держав: США и России, но на правах малого государства. Каждый раз, когда напряжение возрастает, США проявляют заинтересованность в отправке воздушных, морских и сухопутных сил в прилегающие к России норвежские регионы, чтобы приблизиться к российским границам. Отчасти, чтобы обозначить свой флаг и присутствие, так как это является важной частью общения между соперничающими великими державами. Но также это делается, чтобы быть *hands on*¹, на случай, если произойдёт что-то непредвиденное. Поскольку, если международная обстановка перерастёт в кризис, например если американские военные советники будут убиты российским спецназом на Украине в Луганске или Донецке, или если американские и российские истребители столкнутся над Балтийским морем, станет важно проявить инициативу и решительность. На Европейском континенте, где страны тесно связаны друг с другом политически и экономически, именно цепная реакция от таких событий может быстро перекинуться на норвежские районы. Таким образом, становится необходимо быстрыми и жёсткими военными манёврами поставить рамки на случай дальнейшего развития обстановки — особенно в отношении тех районов, из которых может исходить наибольшая угроза существованию США. Противник будет постоянно вынужден реагировать, а не действовать инициативно. Таким образом, захватывается инициатива в кризисных ситуациях, что по чисто профессиональным военным понятиям, важно, чтобы самим не быть принуждёнными к обороне. Ведь оказаться в подобной ситуации для гордых великих держав означает не только потерю лица. Риск в случае недостаточно быстрого или решительного реагирования может дать почву для сомнений о готовности вооружённых сил и наличия политической воли у великих держав для отстаивания своих интересов. Большие расстояния и сложные

¹ В деле (*англ.*).

климатические условия в высоких широтах абсолютно естественно делают США активным игроком в норвежских северных регионах. Это делается, в частности, для того, чтобы направить большее количество воинских контингентов в наиболее уязвимые районы Норвежского моря. Свидетельством тому служит рост количества американских, британских и французских военных кораблей в норвежских портах, число которых всего за несколько лет, согласно заключению Директората по предотвращению облучения и атомной защите, возросло с 10–15 до 30–40 заходов в год (Selnes, Eikermann og Amundsen 2018, 9). Это также действует успокаивающе на норвежские власти, которые с момента вступления в НАТО в 1949 году больше всего боялись быть забытыми, оказаться неприоритетными или быть каким-либо другим способом отодвинутыми на обочину американских интересов и оказаться менее важными, чем члены НАТО, расположенные в центральной части Европейского континента (Tamnes 1991; Heier 2006).

Но, с другой стороны, американское стремление уменьшить российский влияние может также вызывать беспокойство у норвежской стороны. Потому что политический разговор правительства с руководством вооружённых сил — это палка о двух концах. О недостатках чаще говорят дипломаты из МИД Норвегии, чем представители Министерства обороны, которое каждодневно работает с более узкими проблемами политики в области обороны и безопасности. Ведь возросшее присутствие американских сил может легко привести к ответным мерам со стороны России. Тем самым порог последующей милитаризации в регионе снижается. Умиротворение путём ряда самоограничений по отношению к России, поэтому, традиционно являлось важной частью норвежского балансирования по отношению США. Например, когда Норвегия решила в 1949 году отказаться от политики нейтралитета, чтобы стать членом НАТО, её членство уравновешивалось рядом самоограничений, и в том числе за счёт отказа от размещения баз союзников на норвежской территории в мирное время. Участие в интегрированных командных структурах НАТО в 1951 году было также компенсировано более строгими мерами по ограничению военного присутствия Норвегии на Шпицбергене. Использование острова Аннёйи в Баренцевом море в качестве базы для американских разведывательных самолётов в 1958–1959 годах сопровождалось более строгим предписанием,

в котором говорилось, что самолёты не могут залетать на восток далее 24° восточной долготы (Klevberg 2012). С норвежской точки зрения на практике это превратилось в форму «молчаливого сотрудничества» с Советским Союзом. Суть заключалась в том, чтобы дать Северному флоту достаточное стратегическое время для раннего обнаружения американских сил в северной части Атлантического океана (Holst 1967).

Но как только в 1990-е годы напряжение между США и Россией спало, норвежское правительство начало бороться изо всех сил, чтобы не оказаться забытым, не утратить своё значение или каким-либо другим способом не быть проигнорированными со стороны США. Норвежские власти также воспользовались возможностью «нормализовать» отношения с Россией, в частности ликвидировав самоограничения на полёты и учения американской военной авиации в губернии Финнмарк (Forsvarskomiteen 1996), несмотря на протесты России. Ведь Норвегия очень уязвима, так как находится на окраине Европы вне Европейского союза, имея границу с Россией, рядом с группировкой одних из самых современных ядерных сил в мире, в регионе с огромными запасами нефти, газа, рыбы и минералов. В такие периоды странам, зависимым от союзников, необходимо что-то предлагать. Быть воспринимаемым в качестве «хорошего союзника» становится очень важно. Выражением этого являются политические решения идти навстречу американским ожиданиям о разделении риска и тягот в операциях за рубежом. Это было главным доводом для сворачивания территориальной мобилизационной обороны. Так называемая проблема недостающих возможностей между Норвегией и Европой с одной стороны и США с другой должна быть устранена. Способ решения этого вопроса сводился к тому, чтобы найти свободные деньги за счёт отказа от обязательств по формированию мобилизационной обороны времён «холодной войны». Несмотря на то что это, согласно мнению Министерства обороны, приведёт к более быстрому сворачиванию национальной обороны, тем не менее так будет лучше, нежели снова оставаться одиночками, без поддержки США (Heier 2006). На рубеже веков сдерживание советского наступления через территории губерний Финнмарк и Трумс больше не являлось обоснованием сохранять эти вооружённые силы. Вместо этого ставка делалась на отборные подразделения или так называемые нишевые возможности, кото-

рые стали ключом к решению тех вопросов политики безопасности, в которых норвежские власти опасались быть забытыми. Это было важно исключительно для того, чтобы иметь каналы связи с властными инстанциями США на случай, если возникнет кризис в отношениях с Россией.

Новая нормальная обстановка

После грузинского конфликта 2008 года и аннексии Крыма с последующим развитием событий в Восточной Украине в 2014 году ранее сделанные оценки положения дел оказались менее важными. Маятник в трансатлантическом оборонительном сотрудничестве качнулся назад к обычному положению дел в Европе. Это именно та обстановка, в условиях которой Россия и США конкурируют за власть и влияние в антагонистической игре, исходя из своих собственных интересов, когда больше безопасности для одного будет автоматически означать меньше безопасности для другого (Rowe 2018). Таким образом, значение норвежской территории возрастает, ведь базы, где находятся две трети российских военно-морских сил — включая около 30 атомных подводных лодок, — расположены всего лишь в 40–60 км от провинции Финнмарк (Nilsen 2019).

В реальности это означает более плотную и систематическую координацию с США оборонительных мер Норвегии и других Северных стран. Но чтобы эти меры были более приемлемыми, они проводятся чаще всего в рамках НАТО. Увязанное с либеральными понятиями, такими как международное право и дух коллективизма, такое сотрудничество между США и буферными государствами у границ России приобретает законный характер. Взаимодействие норвежских, шведских, финских и американских вооружённых сил происходит в форме, которую министр обороны (с 2017 года) Франк Бакке-Йенссен временами характеризует как «сообщество общих ценностей» (Bakke-Jenssen 2019). основополагающая причина развития подобного сообщества заключается в том, что отсутствуют отдельное норвежское планирование противодействия угрозе извне и вместе с тем самостоятельная национальная обороноспособность, которая необходима на начальном этапе кризиса с Россией. Согласно мнению двух историков Улава Богена и Магнуса Хокен-

стада (2015, 349): «Мобилизационная подготовка, мобилизационное предписание и организационно-штатное расписание военного времени — всё, что было так важно на протяжении долгого времени, — было потеряно едва ли не за ночь».

Тем не менее с 2017 года Норвежское агентство по управлению объектами оборонной недвижимости и гражданские подрядчики в Северной Норвегии снова пробурили окопы первой линии обороны, которые всего лишь несколько лет назад были залиты бетоном как ненужные. Оценки военных экспертов, сделанные в начале 2000-х годов, взятые за основу вывода о том, что конфликт великих держав с участием России более не является актуальным, оказались ошибочными (Forsvaret 2000). Норвежская «активность в районах передовой обороны», «пороговая оборона» и значение военного сдерживания в губернии Финнмарк являются примерами того, что сознание необходимости национальной и территориальной обороны возвращается. Как и присутствие американских солдат в губерниях Трёнделаг и Трумс. То же самое с финансированием США так называемой Совместной операционной базой (*Co-located Operational Base*) для американских истребителей на аэродроме в Рюгге. С исходной точкой в Южной Норвегии, истребители типа F-22 «Раптор», построенные по стелс-технологии, могут легко достигать Балтийского моря и бросать вызов российскому Балтийскому флоту для защиты самых уязвимых стран НАТО в Балтийском регионе. В рамках американской программы *European Deterrence Initiative*¹ Пентагон запросил 6,5 млрд долларов, чтобы укрепить военную инфраструктуру в уязвимых странах НАТО. В 2018 году было использовано чуть более половины средств — около 3,4 млрд долларов (Judson 2018). Проведение крупнейших с 1967 года учений в Финнмарке *Joint Viking* в 2015 и 2017 годах с широким участием американских, британских и норвежских вооружённых сил хорошо вписывается в эту модель. То же самое касается увеличения количества американских атомных подлодок у берегов Норвегии, воссоздания Второго флота ВМС США для усиления вклада в оборону северной части Атлантического океана и проведения самых больших учений со времён «холодной войны», *Trident Juncture 2018* («Единый трезубец»).

¹ Европейская инициатива по сдерживанию, с 2017 года более известная как Инициатива по обеспечению европейской безопасности (*The European Reassurance Initiative, ERI*). — *Примеч. ред.*

Но это стало лишь некоторой частью норвежских ограничений, которые бы позволили американским военным контингентам держаться на расстоянии от стратегических атомных единиц на Кольском полуострове. В тот же период отношения с Россией стали более напряжёнными: между Востоком и Западом, похоже, разыгралась новая «холодная война». Она во многом отличается от старой. Например, неравноценным соотношением сил США с одной стороны, и России с другой. Также уже нет существовавшего ранее глобального идеологического соперничества между коммунизмом и либерализмом. И сейчас действует гораздо более сильная экономическая зависимость между странами в Европе, которые раньше были разделены в два изолированных политических, военных и экономических блока — НАТО и Организацию Варшавского договора. Причиной того, что началась новая «холодная война», является прежде всего то, что Россия сейчас стала достаточно сильной, чтобы преследовать свои собственные национальные интересы безопасности, невзирая на то, что США и европейские страны могут этому помешать. Также кажется, что у Москвы имеется более сильная политическая воля к использованию военной силы, особенно если Россия чувствует себя принуждаемой к этому. Кажется, что эта политическая воля сильнее той, которую способны проявить США и НАТО. Пока российское использование власти происходит за пределами территорий стран НАТО, как, например, в бывших советских республиках в Центральной Азии, на Кавказе или в Восточной Европе, желание взять риск на себя будет сильнее у России, чем у США и НАТО, потому что угроза воспринимается сильнее в Москве, чем в Вашингтоне или Брюсселе.

Именно в такие периоды возникают дилеммы. С одной стороны, норвежское правительство должно наращивать видимость присутствия вдоль российской границы, чтобы продемонстрировать политическую волю и военную способность отстаивать норвежский суверенитет и национальные интересы. Пример тому — создание «кавалерийского батальона» в Финнмарке, вблизи российских ядерных сил на Кольском полуострове. Другой пример — увеличение продолжительности патрульного плавания кораблей в Баренцевом море. С другой стороны, власти также должны быть осторожными в том, чтобы присутствие американских вооружённых подразделений в Вэрнесе, Тромсё и Финнмарке, или бомбардировщиков

В-52 и атомных подлодок в Норвежском море не стали проблемой безопасности для самой Норвегии. Ведь если присутствие американских сил будет воспринято российской стороной как угроза, ответные меры быстро приведут к ухудшению обстановки. Пока северные регионы остаются одними из важнейших для американской и российской безопасности, норвежские власти должны быть чрезвычайно внимательны, чтобы воспринимать сигналы как с американской, так и с российской стороны.

Проблема

В то же время норвежским властям необходимо предстать в качестве «хорошего союзника» в мероприятиях, инициированных США в Прибалтике, на Кавказе, в Центральной Азии, на Ближнем Востоке и в Северной Африке. В этой напряжённой обстановке, между поддержанием надёжной национальной обороноспособности против российских сил на севере и одновременным выполнением союзнических обязательств на юге, возникает основная проблема: непрерывный перерасход правительством важнейших, а также самых драматичных и спорных средств принуждения. Мы говорим о государственном инструменте самозащиты, который на протяжении 1990-х годов предназначался для использования лишь в чрезвычайной ситуации для защиты «короля и родины». Но который постепенно, на протяжении 2000-х годов, стал использоваться в ряде возглавляемых США коалиционных операций, которые впоследствии превратились в трясину.

В поиске соотношения национального и международного факторов речь идёт об одном: показать себя «хорошим союзником», близким и верным партнёром, который обеспечивает защиту северного фланга НАТО, но который также вносит существенный вклад в операции за рубежом, где это больше всего нужно США. В этом — норвежская стратегия, которая положена в основу политики по обеспечению безопасности государства. Она содержится в стратегических директивах правительства для главнокомандующего вооружёнными силами (Forsvarsdepartementet 2014) и в тех девяти задачах, которые Минобороны публикует каждый четвёртый год, при смене правительства: сдерживать Россию основываясь на членстве в НАТО,

защищать свою страну и другие страны НАТО в соответствии с пактом солидарности альянса, предотвращать и урегулировать эпизоды и кризисы, создавать систему принятия решений, базирующуюся на итогах работы разведки и службы безопасности, отстаивать норвежский суверенитет, осуществлять управление государством, участвовать в урегулировании международных кризисов, способствовать международному выполнению программ по укреплению военной инфраструктуры и способствовать национальной безопасности (Forsvarsdepartementet 2008, 54–59; Forsvarsdepartementet 2012, 47–52; Forsvarsdepartementet 2016, 21–27).

Главный аргумент, затрагиваемый в этой книге, состоит в следующем: такая стратегия привела к продолжительному перерасходу в использовании вооружённых сил, поскольку они не соответствуют по своим размерам задаче сдерживания России на севере и решению внешних задач на юге одновременно. Спустя почти 20 лет после старта одних из самых радикальных реформ в норвежской общественной жизни в наши дни мы уже можем оценить стратегические последствия перерасхода.

Первое последствие этого проявилось в уязвимости национальной обороноспособности, которая может быть восполнена только при помощи американских вооружённых сил. Поэтому норвежскому правительству стало ещё более важно, чтобы Норвегия воспринималась как «хороший союзник». Это породило *дилемму зависимости*. С одной стороны, норвежские власти должны идти навстречу американскому нажиму и предоставлять свои вооружённые силы для операций за рубежом. С другой стороны, это приведёт к более быстрому износу вооружённых сил, потому что эти же силы должны быть одновременно использованы в ежедневных операциях на круглосуточной основе дома. Одновременность использования военных контингентов *дома и за пределами страны* создаёт пробел в национальной обороноспособности. Пробелы должны заполняться американскими вооружёнными силами (Forsvaret 2015), потому что норвежские власти больше не в состоянии поддерживать национальную обороноспособность при малейшем конфликте более нескольких дней. Даже небольшие происшествия и эпизоды при столкновении с Россией могут поэтому быстро стать настолько серьёзными, что союзнические консультации с Вашингтоном и Брюсселем должны будучи проводиться как можно быстрее.

Дилемма зависимости от США приводит поэтому к новой дилемме — классической *дилемме безопасности* по отношению к России. Дилемма безопасности чаще понимается как ситуация, где два государства или альянса государств наращивают свою военную активность, потому что противная сторона делает то же самое. Тем самым создаётся обстановка, характеризующаяся возрастанием напряжённости и подозрительности в приграничных районах, а подобные намерения, ставшие достоянием гласности, говорят о том, что способность и готовность напасть друг на друга возрастают. Это приводит к парадоксальному итогу: обе стороны достигают не большей безопасности, а меньшей, несмотря на то что изначально меры принимались для усиления собственной безопасности (Herz 1950; Snyder 1984). С точки зрения Норвегии это означает, что военная доктрина, которая всё более «приспосабливается под нужды Альянса», также расширяет американское присутствие в норвежских приграничных районах, что вызывает ответные меры со стороны России. Не потому, что Россия боится населения Норвегии в 5,3 млн человек или горстки норвежских воздушных, военно-морских и сухопутных подразделений, которые едва ли смогут поддерживать постоянную готовность в течение нескольких дней. Россия опасается, что норвежское правительство одобрит политику, согласно которой норвежские воздушные, морские пространства и сухопутные территории будут открыты для действий американских вооружённых сил.

Таким образом, США заполняет созданный Норвегией вакуум на территории, находящейся вплотную к российским границам. С российской точки зрения, это драматическим образом сокращает стратегическое время раннего оповещения ядерных сил на Кольском полуострове. И с этим важно разобраться, потому что это касается выживания государства и безопасности населения. Рост военного присутствия, вместе с активизацией контроля и сбора разведывательной информации на норвежской стороне границы становятся постоянными. Тем самым создаётся модель, которая быстро пускает корни по обе стороны норвежско-российской границы: рост подозрительности и большие проблемы в создании каналов для диалога, сотрудничества и инициатив по созданию доверия. Как ни парадоксально, это приводит к тому, что США, Россия и Норвегия получают меньше безопасности, хотя все пытаются её повысить.

В таких условиях нужно совсем немного, чтобы возникла *дилемма эскалации* для Норвегии: в этих условиях может скорее возникнуть вооружённый конфликт, который будет настолько крупным, что потребует американского вмешательства (Diesen 2013). Следовательно, самым рациональным решением для властей в этой ситуации будет эскалация кризисов с Россией, которых в других условиях можно было бы избежать. В противном случае, если «не высовываться», чтобы самим не провоцировать конфликт, то это приведёт к постепенному разрушению обороноспособности в течение нескольких дней. Это может случиться даже без единого выстрела. Для малых государств, которые менее сильны в военном плане, но которые получают полную поддержку от великой державы, лучшей стратегией становятся «решительные жёсткие шаги» путём быстрой и интенсивной эскалации кризисных ситуаций. Примером тому может послужить маленькое королевство Пьемонт на севере Италии, которое в 1859 году напало на Австрию, потому что Пьемонт рассчитывал на помощь Франции. Другой пример — Сербия, которая в 1914 году напала на Австро-Венгрию¹, потому что знала, что получит поддержку со стороны России.

Эти три дилеммы будут обсуждаться более подробно в 4-й главе по отношению к США и в 5-й главе — по отношению к России. Суть этого — довести до широкого сведения мысль, что недостатки будут всегда, несмотря на то что малые, зависимые от альянса страны пытаются достичь безопасности при помощи вооружённых сил. Другими словами, норвежские власти должны постоянно балансировать между противоречивыми взглядами и пересекающимися интересами. В норвежском случае эти три дилеммы привели к ряду парадоксальных результатов. И если мы посмотрим на десятилетний период 2008—2018 годов в целом, может показаться, что Норвегия обеспечила себе меньше безопасности, а не больше. И не обязательно потому, что Россия напала на Грузию и Украину², или потому,

¹ В обоих случаях автор имеет в виду слишком смелые действия правительств Пьемонта и Сербии, соответственно, которые отказались выполнить условия австрийских ультиматумов. Если исходить из буквы закона, то и в 1859-м, и в 1914 году войны объявила именно Австрия и именно ее вооружённые силы начали в обоих случаях военные действия. — *Примеч. ред.*

² Являясь специалистом прежде всего во внутриевропейской и норвежской политике, автор не вникает в особенности постоянно упоминаемых им событий в Южной Осетии, в Крыму и на Украине, а ограничивается лишь декларациями, исходя из общей их трактовки на Западе и тем более в НАТО. — *Примеч. ред.*

что Россия пытается расширить сферу своего влияния на бывшие советские республики. Суть этой книги в том, что положение с безопасностью Норвегии стало хуже, потому что Норвегия стала более опасной для России. Является ли комбинация из роста зависимости на западе, расширения дилеммы безопасности на востоке и роста склонности к эскалации кризисов, которых можно было бы избежать, является именно тем, что приводит к вопросу: получили ли мы *более опасную Норвегию?*

Структура книги

В последующих главах всё устроено следующим образом. В начале 2-й главы обсуждается стратегическая ценность северных территорий, которые, с американской и российской точки зрения, имеют большое значение для их собственной безопасности. Основной вопрос состоит в том, как норвежские власти распоряжаются этими территориями и почему временами становится трудно объяснить подобные действия обществу. Затем, в 3-й главе мы попробуем понять более основательно, как потеря этого значения территории в 1990-х годах, после развала Советского Союза, повлияла на норвежское военное мышление. Сначала мы сделаем это эмпирически, описывая, как правительство представило стратегию, рассчитанную на то, чтобы стать «лучшими в НАТО» в том, что касается военных реформ на рубеже тысячелетий. Затем теоретически, чтобы осветить, как норвежское мышление по вопросам безопасности превращается из оборонительной в более наступательную форму реальности. В главах 4 и 5 обсуждаются последствия норвежских решений, которые были приняты на рубеже веков. Сначала в свете дилеммы зависимости от США, затем в свете дилеммы российской безопасности. В 6-й главе мы обсудим, как зависимость от США проявлялась за счёт большего вклада в операции за границей. Сначала будет описана непредсказуемость самой динамики, в которую были втянуты норвежские власти, когда локальные, региональные и глобальные конфликты наслаиваются друг на друга. Затем обсудим политическую и военную настороженность, которая вытекает из этой непредсказуемости, с акцентом на норвежский предпочтительный вклад в силы, заключающийся в использовании спецназа и разведывательных

подразделений. Это приводит нас к 7-й главе, где, абсолютно естественно, мы обсудим всеобщие трудности в выработке соотношения между открытостью и засекреченностью. Наконец, в 8-й главе мы выведем заключения, которые покажут более обобщённо, насколько Норвегия стала более опасным игроком в своём регионе и какие проблемы возникают в ходе поддержания баланса между «быть хорошим союзником» на западе и «хорошим соседом» на востоке.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к российскому изданию	5
Введение	8
Глава 1. Хороший союзник	14
<i>Издержки статуса «хороший союзник»</i>	20
<i>Перерасход и зависимость</i>	23
<i>Тяготы географического положения</i>	28
<i>Новая нормальная обстановка</i>	33
<i>Проблема</i>	36
<i>Структура книги</i>	40
Глава 2. Значение северных территорий	42
<i>Сила географического расположения</i>	46
<i>Игра коалиций</i>	53
<i>От буфера к трамплину</i>	60
<i>Трудное самопознание</i>	69
Глава 3. Лучшие в реформах НАТО	81
<i>Исчезнувшее пространство для манёвра</i>	82
<i>Путь к зависимости</i>	86
<i>Уязвимость в собственных рядах</i>	93
<i>«Политика приглашения»</i>	97
<i>Оборонительный и наступательный реализм</i>	101
<i>Последствия</i>	106
<i>Теоретический вывод</i>	113
Глава 4. Отношение к США	115
<i>Норвегия как стратегический фронт</i>	119
<i>Страх быть забытыми</i>	122
<i>Дилемма зависимости</i>	124
<i>Привязать США к НАТО</i>	128
<i>Сложный выбор</i>	132
<i>Парадокс</i>	137

Глава 5. Отношение к России	140
<i>Дилемма безопасности</i>	141
<i>Парадокс</i>	145
<i>Бесполезное сдерживание</i>	147
<i>Взаимный страх</i>	156
<i>Дилемма эскалации</i>	161
<i>Поворот к наступательной стратегии?</i>	166
Глава 6. Заграница как арена для обеспечения национальной безопасности	170
<i>Секретная кухня государственного управления</i>	173
<i>Открытые и закрытые стратегии</i>	179
<i>Собственная динамика войны</i>	184
<i>Местные, региональные</i> <i>и глобальные линии конфликтов</i>	188
Местный уровень	189
Региональный уровень	194
Глобальный уровень	196
<i>Полезный вклад в обеспечение мира?</i>	200
<i>Разведка и спецназ</i>	206
Глава 7. Больше секретности, меньше гласности?	216
<i>Скрытая проблема гласности</i>	217
<i>Информирование общества и демократический контроль</i>	225
<i>Строитель отношений или швейцар?</i>	229
<i>Нарушение исторических моделей</i>	232
<i>Групповое мышление</i>	236
Глава 8. Стала ли Норвегия более опасной?	239
<i>США и дилемма зависимости</i>	241
<i>Россия и дилемма безопасности</i>	245
<i>Вооружённые силы и дилемма эскалации</i>	248
<i>Противоречащие фактам оценки</i>	249
<i>Новое норвежское мышление в вопросах безопасности</i>	253
Литература	255